

№ 80 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Декабрь, 2017

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ГЛОБАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Гленн Дизен

Об авторе

Гленн Дизен

*Научный сотрудник Университета Западного Сиднея,
приглашённый преподаватель Высшей школы экономики*

*Данный текст отражает личное мнение авторов,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Экономический национализм отстаивает идею государственного вмешательства в рыночную экономику для создания благоприятной симметрии и взаимозависимости с другими державами. Все крупные экономики достигли величия благодаря государственному вмешательству, а экономический либерализм становится просто замаскированным экономическим национализмом со стороны гегемонов. Когда гегемон начинает управлять рычагами мировой экономики, в его интересах распространять идеи экономического либерализма для интеграции других держав в асимметричные партнёрства, усиливающие взаимозависимость. Тот факт, что администрация Дональда Трампа взяла на вооружение неприкрытый экономический национализм, указывает на ослабление привилегированного геоэкономического положения США. Свидетельствами относительного упадка являются разрушение производственной базы США и сокращение превосходства в инновациях, создание альтернативных торговых коридоров, неподконтрольных США, а также появление альтернатив Бреттон-Вудским институтам и доллару США. Геоэкономическая мощь смещается с Запада на Восток, способствуя возрождению экономического национализма в глобальном масштабе, и у России появляется возможность способствовать развитию более симметричных связей во взаимозависимой мировой экономике.

Ключевой постулат теории реализма гласит, что взаимовыгодное сотрудничество возможно лишь в случае установления баланса сил. Следовательно, устойчивая экономическая интеграция зависит от развития симметрии во взаимозависимости и снижения способности одного игрока добиваться для невыгодных для других игроков политических уступок. Усилия Китая и России, бросающих вызов коллективной геоэкономической гегемонии Запада под руководством США, в основном сводятся к подражанию экономическому национализму, взятому на вооружение США и Германией в XIX веке с целью замены «свободной торговли» под главенством Великобритании на более сбалансированную и «справедливую торговлю».

Вопреки либеральным теориям, взаимозависимость сводится к получению относительной экономической выгоды для последующей конвертации экономической зависимости в политическое влияние¹. Сила и безопасность в этом случае становятся следствием искажения симметрии в партнёрствах взаимозависимости. Зависимость от других может быть снижена через большую самодостаточность и диверсификацию сети партнёрств, в то время как зависимость других может быть повышена посредством установления контроля, в том числе монополистического, над стратегическими отраслями, транспортными коридорами и такими механизмами сотрудничества, как финансовые институты и режимы регулирования торговли. Так, Альберт Хиршман, ведущий теоретик в области асимметрии взаимозависимости, утверждал: «Возможность прервать торговые или финансовые связи с какой-либо страной, считающаяся атрибутом государственного суверенитета — главная причина влияния или доминирования одной страны над другими, а также главная причина “зависимости от торговли”»².

¹ List F. *The National System of Political Economy*. Longmans, Green and Company. London, 1885; Hirschman A. *National power and the structure of foreign trade*. University of California Press, Berkeley, 1945; Luttwak E.N. *From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest*. 1990. No. 20, 19–23.

² Hirschman A. *National power and the structure of foreign trade*. University of California Press, Berkeley, 1945. P. 16.

В то время как Запад в значительной степени монополизировал искусство государственного управления в экономике в годы холодной войны, возврат Китая и России к капитализму требует, чтобы геополитика уступила место геоэкономике. В 1990 году Эдвард Люттвак прекрасно описал переход к геоэкономике: «Похоже, сегодня все согласны с тем, что методы коммерции вытесняют военные методы: располагаемый капитал вместо огневой мощи, гражданские инновации вместо военно-технического развития и рыночная экспансия вместо гарнизонов и военных баз»³. Аналогичным образом бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт ожидал, что экономические регионы будут расширяться, повторяя политику военных блоков, поскольку коллективные преимущества повышают конкурентоспособность стран в «борьбе за мировой продукт»⁴. Системное давление, оказываемое развивающимися экономическими регионами, такими как ЕС, НАФТА, ТТП или ТТИП, с целью получения возможности диктовать свои условия — дублирует логику баланса сил.

Экономический национализм олицетворяет собой необходимую и рациональную политику для изменения в свою пользу симметрии во взаимозависимых экономических отношениях. В своей книге «The National System of Political Economy» («Национальная система политической экономии»), изданной в 1841 году, Фридрих Лист описал теорию развития экономического национализма в противовес концепции экономического либерализма. В условиях существующей конкуренции между странами экономический национализм отводит большую роль государственному вмешательству. Лист утверждал: «До тех пор, пока существует разделение человеческого рода на независимые нации, политэкономия часто будет противоречить принципам космополитизма... со стороны государства было бы неразумным стремиться действовать в интересах благополучия всего рода человеческого в ущерб собственной силе, благополучию и независимости»⁵.

Тем не менее, Лист признавал выгоды свободной торговли и потому предупреждал об опасностях чрезмерного государственного вмешательства и протекционизма. Пошлины и субсидии отстаивались как временные инвестиции для защиты зарождающейся промышленности, пока она не станет конкурентоспособной на мировых рынках: «Это плохая политика — регулировать и поддерживать все с помощью социально-властных рычагов там, где частные усилия и инициативы могут сделать это лучше. Но точно так же нельзя пускать на самотёк то, что можно отрегулировать исключительно с помощью государственного вмешательства»⁶.

Три разновидности экономического национализма могут нарушить симметрию экономической взаимозависимости. Во-первых, следует использовать пошлины и субсидии для защиты зарождающихся отраслей национальной промышленности,

³ Luttwak E.N. *From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest*. 1990. No. 20. P. 19–23. P. 17.

⁴ Gilpin R. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton University Press, Princeton, 2011. P. 9.

⁵ List F. *Outlines of American Political Economy*. PA: Samuel Parker, Philadelphia, 1827. P. 30.

⁶ List F. *The National System of Political Economy*. Longmans, Green and Company, London, 1885. P. 85.

пока они не станут конкурентоспособными на мировых рынках. Традиционно под этим подразумевалось прежде всего укрепление производственной базы, хотя в современных экономических условиях более важным является создание стимулов для технологических прорывов. Во-вторых, государства обязаны обеспечить контроль над материальной инфраструктурой для получения надёжного доступа к жизненно важным ресурсам и безопасным транспортным коридорам. В-третьих, необходимо создавать механизмы сотрудничества, обеспечивающие максимальную автономность и увеличивающие влияние за счёт формирования экономических союзов, которые позволяют коллективно диктовать условия, устанавливать стандарты и режимы торговли, создавать банки развития, а также сильную торговую/резервную валюту.

Экономический национализм — это стратегия развития, направленная на продвижение в мировой экономической иерархии. Так, Лист отстаивал право Соединённых Штатов и Германии на проведение подобной политики с целью извлечь выгоды от международной торговли в обход британского доминирования в этой области. Сама Британия также достигла величия благодаря меркантилистской политике, отстаиваемой Джеймсом Стюартом⁷. Высокие пошлины способствовали созданию мощной производственной базы, тогда как могущественный военно-морской флот обеспечил доступ к ресурсам и контроль над транспортными коридорами. Когда британские банки и валюта заняли господствующее положение во всем мире, это также позволило Британии установить удобные для себя механизмы сотрудничества. Поднявшись на столь высокий уровень благодаря экономическому национализму, Британия превратилась в главного поборника экономического либерализма для того, чтобы интегрировать весь мир в мировой порядок во главе с британской короной.

Ведущие морские державы исторически поддерживали идею свободной торговли, поскольку обладали конкурентным преимуществом — контролем над морскими торговыми путями⁸. Лист писал о том, что поддержка Британией свободной торговли и критика постулатов экономического национализма — это стратегия «выбивания лестницы» из-под ног формирующихся держав: *«Обычная уловка состоит в том, что, когда кто-то достигает вершины величия, он убирает из-под ног ту лестницу, посредством которой взобрался наверх, чтобы лишить конкурентов возможности забраться на такую же высоту. В этом суть космополитической доктрины Адама Смита, космополитических идей его великого современника Уильяма Питта, а также всех его преемников в последующих британских кабинетах министров»*⁹.

⁷ Steuart J. *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. J.J. Tourneisen, Dublin, 1770.

⁸ List F. *The National System of Political Economy*. Longmans, Green and Company, London, 1885; Angell N. *The World's Highway: Some Notes on America's Relation to Sea Power and Non-military Sanctions for the Law of Nations*. George H. Doran Company, New York, 1915; Levy J.S., Thompson W.R. *Balancing on land and at sea: do states ally against the leading global power?* // *International Security*. 2010. Vol. 35. No. 1. P. 7–43. P. 18.

⁹ List F. *The National System of Political Economy*. Longmans, Green and Company, London, 1885. P. 295–296.

Геоэкономический подъем Соединённых Штатов и Германии

Во время своего пребывания в США Лист стал активным поборником экономического национализма для государственного строительства. Александр Гамильтон, первый секретарь Казначейства (министр финансов) США с 1789 по 1795 годы, в конце концов убедил президента Томаса Джефферсона отказаться от плана построения аграрного общества с опорой на свободный рынок и минимальным вмешательством государства¹⁰. Гамильтон был озабочен проблемой асимметричной взаимозависимости, поскольку США чрезмерно зависели от европейских промышленных товаров, тогда как Европа в меньшей степени зависела от США. Политическая независимость требовала достижения экономической автономии и укрепления собственного влияния, что было невозможно, так как «свободная торговля» представляла собой «несправедливую торговлю» в системе международных отношений во главе с Британией¹¹.

В результате экономический национализм достиг своей кульминации в «американской системе», которая зиждилась на трёх столпах с целью достижения конкурентоспособности в части создания промышленной, транспортной и финансовой инфраструктуры. Различные варианты экономического национализма и «американской системы» Александра Гамильтона и Генри Клея вновь проявились в администрациях Джеймса Мэдисона, Джеймса Монро, Джона Куинси Адамса, Авраама Линкольна, Уильяма Мак-Кинли, Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта. Геоэкономическая мощь США достигла расцвета. Во-первых, была развита конкурентоспособная производственная база. Во-вторых, внутри страны сформировалась материальная инфраструктура. А на Тихом Океане США превратились в доминирующую морскую силу, приняв на вооружение в 1890-х годах стратегию морского господства Альфреда Тайера Мэхэна. В-третьих, при государственной поддержке развивались конкурентоспособные банки и надёжная валютная система, достигнув в конечном итоге доминирующего положения в мире в рамках Бреттон-Вудской системы. Утвердилась мораль политики экономического национализма. Об этом свидетельствуют слова Теодора Рузвельта от 1895 года: «Слава Богу, я не сторонник свободной торговли. В нашей стране пагубное потакание фритредерству, кажется, неизбежно приводит к «обрастанию жиром» и деградации моральных устоев»¹².

Тем не менее, став доминирующей геоэкономической державой, США успешно восприняли идею свободной торговли и занялись продвижением за рубеж преимуществ свободной торговли под управлением США. Сергей Лавров отмечал, что после развала Советского Союза и упадка коммунизма Вашингтон поверил в то, что доминирование США будет вечным, поскольку «развитые западные страны и крупные корпорации будут свободно распространять своё влияние по всему миру, а либерально-демократическая система будет единственным маяком для всех развивающихся государств»¹³. По мере подъёма «остальной части мира», особенно Китая, превосходство США ставится под сомнение и, соответственно, уменьшается приверженность принципам свободной

¹⁰ Szlajfer A. *Economic Nationalism and Globalization: Lessons from Latin America and Central Europe*. Brill, Leiden, 2012. P. 51.

¹¹ Mott W.H. *The Economic Basis of Peace: Linkages Between Economic Growth and International Conflict*. Greenwood Publishing Group, Westport, 1997. P. 22.

¹² Eckes A.E. *Opening America's market: US foreign trade policy since 1776*. University of North Carolina Press, North Carolina, 1990. P. 30.

¹³ Lavrov S. *Russia in the 21st-Century World of Power // Russia in Global Affairs*. 2012. 27 December.

торговли. Экономический национализм возрождается при новой администрации, поскольку Трамп часто цитирует экономическую философию Генри Клея, тогда как его главный стратег Стивен Бэннон гордо называет себя «экономическим националистом».

В это же время и Германия взяла на вооружение экономический национализм, который во многом способствовал созданию германского государства, хотя не самое удачное географическое расположение и вело к конфронтационному пути становления региона. Лист называл строительство железных дорог и формирование экономического союза «сиамскими близнецами» в процессе создания немецкого государства¹⁴. Поначалу Германия процветала в континентальной системе Наполеона, нацеленной на вывод континента из системы британской торговли. Затем Германия воспроизвела этот принцип рамках *Zollverein* (Германского таможенного союза), в который также вошли другие страны. Материальная инфраструктура породила стратегии с нулевой суммой: увеличивающаяся военно-морская мощь привела к гонке вооружений с Британией, а железная дорога Берлин — Багдад обрекла Германию на столкновение с Францией, Британией и Россией.

В конце концов Германия добилась победы, несмотря на поражение во Второй мировой войне, поскольку проекты атлантической и западноевропейской интеграции опирались на противопоставление Советскому Союзу немецкой мощи. Европейская интеграция стала важным инструментом немецкого влияния. Канцлер Германии Гельмут Шмидт уже в 1978 году доказывал необходимость «облечься в европейскую мантию <...>, нам она также нужна, чтобы скрывать всевозрастающие относительные экономические, политические и военные преимущества ФРГ в рамках западного блока»¹⁵.

После распада СССР и воссоединения Германии происходит постепенный возврат к истории по мере ослабления способности Германии гармонизировать государственное строительство с региональным строительством. Поначалу ЕС демонстрировал большой геоэкономический потенциал, используя коллективную способность диктовать выгодные для себя условия для защиты стратегических отраслей своих стран-членов, одновременно вынуждая внешних торговых партнёров открывать свои рынки. Инициатива «Европа 2020» призвана усилить возможности ЕС вмешиваться в рыночные механизмы для поддержки предприятий своих стран-членов, что даёт Брюсселю «мощные инструменты для формирования нового экономического управления»¹⁶.

Однако принятие евро и расширение ЕС нарушило баланс сил внутри и впоследствии поставило под угрозу внутреннюю целостность Союза. Последовательное расширение ЕС на восток принесло Берлину непропорционально большие выгоды. Так, заниженный курс Евро привёл к увеличению промышленной мощи Германии за счёт средиземноморских стран-членов ЕС. А после Brexit и относительного ослабления французской экономики Берлин упрочил свою роль неофициальной столицы Европейского союза, в котором главную скрипку играет именно Германия.

¹⁴ Earle E.M. Friedrich List, forerunner of pan-Germanism // *The American Scholar*. 1943. Vol. 12. No. 4. P. 430–443. P. 442.

¹⁵ EMS: Bundesbank Council meeting with Chancellor Schmidt (assurances on operation of EMS) [declassified 2008]. Bundesbank Archives, N2/267. 1978. 30 November.

¹⁶ Europe 2020: A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth // European Commission. Brussels. 2010. 3 March.

По мере того, как ЕС будет становиться все менее дееспособным, Германии придётся делать выбор: либо навязать слабым европейским экономикам идею федерализма, либо смириться с распадом ЕС. Физический доступ к ресурсам и транспортным коридорам также порождает опасения в сфере безопасности. Президент Германии Хорст Кёлер в мае 2010 года отмечал: «Страна нашего размера с такой экспортной ориентацией в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств должна будет развернуть воинский контингент для защиты своих интересов — например, для обеспечения свободы торговых путей или предотвращения региональной нестабильности, которая может отрицательно повлиять на нашу торговлю, рабочие места и доходы»¹⁷.

В результате критики в адрес Кёлера в связи с вышеупомянутым высказыванием он был вынужден подать в отставку. Однако уже в последующем году был принят документ «Основные направления политики Германии в области обороны», где, в частности, говорилось: «Маршруты свободной торговли и безопасные поставки сырья имеют ключевое значение для будущего Германии и Европы. Во всём мире происходят изменения: меняются рынки, каналы распределения, а также способы добычи природных ресурсов, обеспечения доступа к ним и безопасности путей их доставки. Дефицит энергоресурсов и другого сырья, необходимого для производства продукции высокой степени обработки, будет иметь последствия для всего мирового сообщества. Ограниченный доступ к ресурсам может привести к вооружённым конфликтам. Нарушение транспортных маршрутов и срывы поставок сырья, как, например, пиратство или саботаж авиоперевозок — это серьёзная угроза безопасности и благополучию. Вот почему транспортная и энергетическая безопасность, а также связанные с этим вопросы будут играть все более важную роль для нашей безопасности»¹⁸.

Неспособность Европы должным образом выстроить отношения с Россией сделала «европейскую интеграцию» экспансионистским геостратегическим проектом с нулевой суммой. И ЕС, и Россия опасаются неблагоприятной асимметрии в будущем, особенно в сфере энергетики. Вместо того, чтобы гармонизировать интересы для получения взаимной выгоды, Германия и ЕС поддержали свержение Виктора Януковича, чтобы втянуть Украину в орбиту ЕС — это означало конец российской инициативы по созданию «Большой Европы»¹⁹. По мере снижения способности ЕС обеспечить стабильность и повышения готовности Союза противостоять России возрастает системное давление на Москву. В результате она будет приветствовать распад Союза и даже способствовать этому. Хотя Москва склонна выражать поддержку ЕС, распад Союза лишил бы Европу коллективной возможности диктовать свои условия для достижения асимметричной взаимозависимости и сделал бы Германию более заинтересованной в развитии дружественных отношений с Россией. На фоне относительного упадка торговли внутри ЕС и перемещения экономических интересов Германии на Восток Берлин начал пересматривать свои внешнеполитические подходы и предпочтения²⁰.

¹⁷ Szabo S.F. *Germany, Russia, and the rise of Geo-Economics*. Bloomsbury Publishing, London. 2015. P. 7.

¹⁸ *Defence Policy Guidelines: Safeguarding National Interests – Assuming International Responsibility – Shaping Security Together* // German Ministry of Defence. Berlin. 2011. 27 May. P. 3.

¹⁹ Krickovic A. *When Interdependence Produces Conflict: EU–Russia Energy Relations as a Security Dilemma* // *Contemporary Security Policy*. 2015. Vol. 36. No.1. P. 3–26.

²⁰ Szabo S.F. *Germany, Russia, and the rise of Geo-Economics*. Bloomsbury Publishing, London. 2015. P. 69.

Китай: претендент, способный бросить вызов США

Китайский экономический национализм представляет собой величайший вызов геоэкономическим основам коллективной гегемонии Запада под руководством США. Во-первых, Китай последовал примеру экономического развития «Азиатских тигров» и в конце 1970-х годов взял курс на индустриализацию со значительным государственным вмешательством. Замораживание заработных плат, манипуляции с валютой, обратный инжиниринг (копирование передовых продуктов конкурентов — *прим. ред.*) и прочее способствовали созданию сильной производственной базы и технологическому развитию. Во-вторых, Китай удвоил усилия по установлению контроля над доступом к ресурсам и транспортным коридорам, начав реализацию амбициозной инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в 2013 году. Восстановление связей между евразийскими сухопутными державами в рамках древнего Шёлкового пути с целью обеспечения поставок энергоносителей и создания транспортных коридоров олицетворяет собой амбициозную попытку свести на нет конкурентные преимущества, лежащие в основе доминирования западных морских держав в последние 500 лет. Кроме того, утверждение суверенитета Китая над Южно-китайским морем, присутствие в портах по всему миру и развитие грозного военно-морского флота закладывает основу для расширения контроля над морскими транспортными коридорами. В-третьих, Пекин также наращивает свои возможности через глобальные механизмы экономического сотрудничества, продвигая альтернативные торговые режимы, новые банки развития под главенством Китая, а также популяризируя Юань в качестве мировой торговой валюты.

Китайская политика экономического национализма рациональна, поскольку она максимизирует безопасность, действуя в соответствии с логикой баланса сил. Теория реализма исходит из того, что децентрализованная и сбалансированная экономическая система будет более симметричной и, следовательно, более стабильной, предотвращая фрагментацию мировой экономики. После нескольких лет неудачных попыток побудить США реформировать Международный валютный фонд (МВФ) и повысить представительство в нем Китая, Пекин создал конкурирующий Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB) в 2014 году. В то время как Вашингтон призывал своих союзников игнорировать усилия Пекина в этом направлении, почти все крупные союзники США стали членами АБИИ. Мадлен Олбрайт, бывший Государственный секретарь США, признала, что Вашингтон «напортачил», изолировав себя, а не Китай, поскольку «все вдруг оказались в одной лодке с Китаем»²¹. В итоге мировая финансовая система избежала фрагментирования, поскольку США пришлось сделать МВФ более привлекательным для Китая, приняв юань в корзину валют Специальных прав заимствования МВФ (СПЗ).

Аналогичным образом процесс сотрудничества через балансирование стал очевиден, когда Китай выразил готовность отмежеваться от международной системы банковских транзакций под контролем США — Общества всемирных межбанковских финансовых каналов связи (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications, SWIFT). В ответ на использование Вашингтоном своего административного влияния в SWIFT для ввода санкций против других стран, Китай запустил конкурирующую Китайскую (трансграничную) межбанковскую платёжную систему (CIPS) в конце 2015 года. К марту 2016 года SWIFT и CIPS подписали меморандум о взаимопонимании в целях совместного содействия развитию и гармонизации своих операций²².

²¹ Dong L., Lia Z. US “miscalculated” on AIIB: Albright // China Daily. 2015. 4 January.

²² SWIFT offers secure financial messaging services to CIPS // SWIFT. 2016. 25 March.

Россия и геоэкономика Большой Евразии

Подъем Китая влечёт за собой как возможности, так и вызовы для Москвы. Экономический национализм неизбежно требует принятия идеи создания «Большой Евразии». Пекин — незаменимый партнёр для перехода к многополярному постзападному мировому порядку и построения «Большой Евразии», которая олицетворяет собой более жизнеспособную и благоприятную экономическую альтернативу неудавшемуся проекту «Большой Европы». Однако непропорционально большая экономическая мощь Китая усложняет задачу России по утверждению в сердце Евразии в качестве геоэкономической преемницы Монгольской империи. Другими словами, для взаимовыгодного сотрудничества и устойчивости Большой Евразии требуется более симметричная экономическая взаимозависимость для обеспечения внутреннего евразийского баланса сил. Россия должна диверсифицировать свои партнёрства, в то же время усиливая влияние на стратегические отрасли, транспортные коридоры и финансовые институты.

История российского экономического национализма переплетается с опытом США, Германии и Китая в этой сфере. Сергей Витте, бывший министром финансов с 1892 по 1903 год, опубликовал статью в 1889 году, в которой ссылался на экономические теории Фридриха Листа. В то время Россия ввела пошлины для защиты зарождающихся отраслей промышленности, что способствовало стремительной индустриализации, сделавшей Россию самой быстрорастущей экономикой мира. Вторым направлением экономического национализма стало создание материальной инфраструктуры. Чтобы связать между собой огромные территории, а также для активизации экономической активности было проложено больше железнодорожных путей, чем любое другое государство той эпохи. Витте надеялся, что за счёт ускорения строительства Транссибирской магистрали удастся серьёзно нарастить геоэкономическую мощь России как главного посредника между Европой и Восточной Азией. Однако зависимость от зарубежных банков и кредитов сделало Россию уязвимой к нестабильности в Европе и Азии. Способность связать мораль с экономическими интересами стала главным испытанием из-за растущего противодействия быстрой индустриализации со стороны аграрного лобби. В то же время растущее неравенство в распределении материальных благ ухудшало условия жизни людей и способствовало устремлению их в города России для работы на производстве.

Кроме того, Россия не озаботилась учётом интересов других конкурирующих стран в регионе. Транссибирская железнодорожная магистраль закрепила растущее присутствие России в Восточной Азии, а также усилила контроль над Манчжурией и Кореей. Нежелание идти на компромисс с целью снижения озабоченности Японии по поводу российского присутствия, в конце концов, вынудило Токио объявить России войну в 1904 году, в которой последняя потерпела дорогостоящее поражение. После отставки Витте Пётр Столыпин начал успешные аграрные реформы, расширив права крестьян, включая право на приобретение частной собственности, с целью создания сословия землевладельцев. Однако продолжающаяся неспособность сгладить неравное распределение материальных благ, а также тяготы войны породили растущее противодействие капитализму.

После нескольких десятилетий полного отсутствия искусства государственного управления экономикой в условиях коммунистической системы Россия вернулась к капитализму в 1991 году. Ельцин ошибочно полагал, что экономический либерализм и однозначная приверженность Западу приведёт к благоденствию и созданию Большой Европы.

Вместо этого в российском обществе произошёл раскол, а асимметричная взаимозависимость способствовала формированию «новой Европы», в рамках которой были созданы необходимые институты для максимизации способности коллективно диктовать России условия.

Администрация Путина сразу взяла на вооружение принципы экономического национализма, которые способствовали государственному строительству, но не смогли стимулировать региональное строительство с точки зрения построения «Большой Европы». За счёт национализации природных ресурсов удалось уменьшить влияние олигархов, обхаживаемых Западом и вмешивающихся в политическую жизнь, а рост благосостояния способствовал формированию обеспеченного среднего класса. Развитие крупных энергетических корпораций сделало Россию конкурентоспособной на мировых рынках. Однако Россия стала жертвой энергетического проклятья, поскольку лёгкие доходы от энергетического сектора на фоне облегчения импорта промышленных товаров не стимулировали проведение болезненных реформ.

Экономический национализм требуется для того, чтобы преодолеть энергетическое проклятие посредством использования доходов от продажи энергоресурсов для временного субсидирования и установления тарифов, защищающих зарождающиеся отрасли промышленности. Россия начала проводить такую политику, что выразилось в финансировании Сколково и принятии программы импортозамещения. Девять из 10 новых машин, продаваемых в России, производятся внутри страны. Аналогичная политика проводится и в других секторах экономики, например, в авиационной промышленности. Особые успехи в 2014 году демонстрировали поддерживаемые государством сельскохозяйственные предприятия. Помимо промышленного производства и сельского хозяйства, государство также поддерживает инновационное и технологическое развитие. Безопасность России зависит от способности сокращать технологическое отставание, особенно когда на горизонте новая промышленная революция роботизации и автоматизации. Успех Национальной технологической инициативы 2014 года зависит от способности улучшать существующие технологии и разрабатывать новые, а также обеспечивать необходимую государственную поддержку без нарушения или подрыва рыночных сил и механизмов. Можно много говорить об инновациях, однако России необходимы более широкие системные изменения при поддержке государства. Например, ввиду отсутствия необходимой внутренней инфраструктуры российские технологии часто продаются зарубежным корпорациям.

Проекты по созданию материальной инфраструктуры в России и финансовые институты были непропорционально ориентированными на Запад с учётом инициативы по строительству «Большой Европы». Усилия были преимущественно сосредоточены на контроле над энергоносителями и инфраструктурой их транспортировки для обеспечения материального влияния на континент. Хотя России удалось улучшить симметрию, региональная архитектура, основополагающим принципом которой оставалась игра с нулевой суммой, осталась нетронутой. ЕС не пойдёт на компромисс до тех пор, пока у России не появятся альтернативные партнёры. Построение устойчивой системы Большой Евразии на основе баланса сил требует, чтобы Россия снизила свою зависимость от какого-либо одного государства или региона в промышленной, транспортной

и финансовой сферах, закрепив за собой привилегированное положение в евразийских транспортных и энергетических коридорах и увеличив зависимость других стран. Запуск нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» и газопровода «Сила Сибири» свидетельствует о важной диверсификации на Восток. Помимо усилий России по развитию транспортных коридоров материальной инфраструктуры «Восток-Запад» и «Север-Юг» реализуются также и альтернативные экономические союзы, такие как Евразийский экономический союз, Банк развития БРИКС, а также расширяющаяся Шанхайская организация сотрудничества с учётом её геоэкономического потенциала. Затягивание в реализации этих инициатив может помешать России занять достойное место за столом, где определяется будущее развития новых механизмов экономического сотрудничества.

Экономический национализм незаслуженно получил негативную коннотацию, вследствие чего его возрождение осуждалось политиками как злое предзнаменование раскола системы международных отношений. Между тем экономический национализм должен стать стратегией развития поднимающихся держав, стремящихся к большей симметрии в экономических отношениях взаимозависимости. Для построения взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере необходим баланс. Идея создания Большой Европы провалилась ввиду неспособности России диверсифицировать свои отношения, что сделало Москву уязвимой к асимметричной взаимозависимости. Многополярная Большая Евразия создаёт симметрию в отношениях с Европой, уравновешивая экономическое давление со стороны Европы. Она не только не раскалывает континент, но и способствует гармонизации интересов в регионе и достижению взаимоприемлемого политического урегулирования в Европе после окончания холодной войны. Выражая оптимизм по поводу будущего евразийской геоэкономики, Путин отмечал, что «Большая Евразия — это не абстрактное геополитическое формирование, а, без всякого преувеличения, поистине цивилизационный проект, устремлённый в будущее»²³.

²³ Putin V. *Belt and Road International Forum* // Official site of the President of Russia. 2017. 14 May. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/54491>

#Valdaiclub

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ